

**Признание цифровой валюты имуществом в уголовном процессе России:
долгожданная законодательная новелла**

Научный руководитель – Беседин Глеб Евгеньевич

Алиев А.Э.¹, Ошманкевич Е.Р.²

1 - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет права, Москва, Россия, *E-mail: aealiev@edu.hse.ru*; 2 - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет права, Москва, Россия, *E-mail: eroshmankevich@edu.hse.ru*

Вступивший в законную силу 3 марта 2026 года Федеральный закон №38-ФЗ предпринял попытку преодолеть существовавшую в следственно-судебной практике на протяжении последних десятилетий проблему расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с использованием цифровой валюты. Законодатель справедливо отметил, что цифровая валюта была признана имуществом в ряде отдельных профильных федеральных законов, однако для уголовного и уголовно-процессуального права она по-прежнему была «невидимой», что препятствовало своевременному реагированию государства на преступления в сфере информационных технологий. Изменения, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), в первую очередь направлены на регламентацию наложения ареста на цифровую валюту.

Отметим, что ранее практика придерживалась следующих путей наложения ареста на цифровую валюту:

1. использование аналогии закона и отнесение цифровых активов к «иному имуществу» с последующим наложением ареста на нее по общим правилам УПК РФ;
2. наложение ареста на ноутбуки, планшеты и иные электронные устройства, имеющие доступ к кошельку с цифровой валютой;
3. конвертация цифровой валюты в рубли и последующее наложение ареста на денежные средства [3].

Вместе с тем, каждый из указанных подходов не был лишен недостатков. Так, применение аналогии закона не учитывало особую правовую природу цифровой валюты, а второй подход оставлял без внимания существование «горячих кошельков», подключенных к Интернету, что дает третьим лицам, имеющим доступ к личному кабинету подозреваемого (обвиняемого), возможность перевести цифровую валюту на другой кошелек, тем самым скрыв ее от правоохранительных органов. Что касается конвертации цифровой валюты в фиатные деньги, то она, учитывая технологические особенности средств и способов хранения таких активов, зачастую невозможна без добровольного содействия самого владельца цифровой валюты, и именно по этой причине она осуществляется в рамках следственного эксперимента. Между тем, в силу ст. 51 Конституции РФ подозреваемый или обвиняемый не обязан свидетельствовать против себя, в том числе путем сотрудничества с правоохранительными органами.

В результате законодатель пошел по первому пути, признав цифровую валюту имуществом по смыслу уголовного и уголовно-процессуального законодательства и предусмотрев особый порядок наложения ареста на нее. Впрочем, несмотря на безусловную востребованность внесенных изменений, и они не лишены некоторых недостатков юридико-технического характера.

В первую очередь, актуален вопрос о необходимости конвертации цифровой валюты в фиатные деньги. Согласно позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) стоимость имущества, на которое налагается арест, должна быть соразмерна причиненному преступлением ущербу, что априори предполагает стоимостную оценку

арестуемой цифровой валюты. В литературе также указывается на необходимость определения рублевого эквивалента цифровых активов, исходя из обеспечительного характера уголовно-процессуального ареста и принимая во внимание успешный опыт некоторых зарубежных правовых порядков [2]. Полагаем, что законодательство действительно нуждается в определении правового механизма экспертной оценки или конвертации цифровой валюты в официальную денежную: во-первых, во избежание непропорционального ограничения имущественных прав владельца кошелька, во-вторых, для облегчения последующего имущественного взыскания в отношении осужденного.

Кроме того, обращает на себя внимание проблема наложения ареста на цифровую валюту в условиях ее трансграничного распространения. Как справедливо указал ВС РФ в своем официальном отзыве на законопроект, правовое регулирование выпуска и обращения цифровой валюты в России осуществляется на основании профильного Федерального закона №259-ФЗ, действие которого распространяется исключительно на объекты российской информационной инфраструктуры или пользовательского оборудования, размещенного на территории России. Следуя буквальному смыслу закона, цифровая валюта, содержащаяся в зарубежных информационных системах, выведена из сферы действующего правового регулирования. Между тем, учитывая транснациональный характер преступлений в сфере информационных технологий, полагаем, что указанная рассогласованность законодательных подходов нуждается в преодолении. Иное означало бы предоставление неоправданных преференций в отношении лиц, чьи цифровые активы не были арестованы по той лишь причине, что они выпущены с использованием объектов иностранной информационной инфраструктуры.

Предусмотренная законом модель наложения ареста на цифровую валюту, хранящуюся на «горячих» кошельках, может встретить правоприменительные проблемы. Так, взаимодействие с иностранными биржами сопряжено с некоторыми сложностями: намеренным сокрытием места деятельности, вопросами конкуренции юрисдикций, отказом предоставить идентифицирующие данные владельца горячего кошелька или исполнить распоряжение об аресте цифровой валюты. Данные проблемы дополняются отсутствием унифицированных принудительных процедур изъятия цифровых активов на наднациональном уровне (например, в рамках ФАТФ) [1], в то время как направление запроса в рамках международного сотрудничества требует больших временных ресурсов. Более того, даже в случае положительного решения биржи возникает вопрос реализации данного ограничения: будет ли арестованная валюта переводиться на отдельный кошелек государственных органов, как это реализовано в Республике Беларусь, Казахстане и Узбекистане, или будут предприняты иные механизмы. Используемая в отечественном законе конструкция «адреса-идентификатора, утвержденного постановлением Правительства», пока не позволяет однозначно ответить на данный вопрос.

Источники и литература

- 1) Долгиева М.М. Соблюдение баланса частных и публичных интересов в области конфискации цифровых активов на примере США. Актуальные проблемы российского права. 2023. 18(6). С. 134-141.
- 2) Зайцев О.А., Смирнов В.Е. Совершенствование процессуальных механизмов наложения ареста на криптовалюту в ходе производства по уголовному делу // Вестник Томского государственного университета. №510. 2025. С. 219-225.
- 3) Луданина А. В. Наложение ареста на криптовалютные активы в уголовном процессе Российской Федерации: возможные пути развития // Актуальные проблемы российского права. 2023. №6 (151). С. 95-104.